

**Врач, астролог, еретик, алхимик и колдун,
и ручной демон, который его всему научил:
следы мифологизации и реабилитации фигуры врача
в “Инфернальном словаре” Коллена де Планси**

Марина Перст

Статья посвящена биографиям врачей, включенным в *Инфернальный словарь* Коллена де Планси, и повествовательным топосам, сложившимся вокруг фигуры врача в историческом прошлом. Одним из устойчивых атрибутов, помещающих биографии врачей в контекст истории Церкви, является констатация напряженного и богатого конфликтами взаимодействия, которое, впрочем, нельзя оценить однозначно как противостояние. Другое измерение рассматриваемых текстов представляет их трансформация под влиянием личного опыта обращения составителя и “христианизация” *Инфернального словаря* в 1840-е годы. Особенностью подхода данного исследования является взгляд на фигуру врача как на нарративный конструкт, рассматриваемый с точки зрения его внутренней логики, а не в отношении исторической достоверности или недостоверности. Цель исследования — локализовать дальнейшие устойчивые сочетания элементов повествования и атрибутов, соотносимых с фигурой врача, и сформулировать возможные темы и дисциплинарные рамки для дальнейшего исследования проблематики, которая в настоящий момент в русскоязычной науке не описана. Материал, на котором написана данная статья, представляется русскоязычному научному сообществу впервые, в западной традиции также практически отсутствуют посвященные ему публикации. Метод, применяемый в исследовании, — качественный анализ текста по примеру полевых этнографических исследований с элементами количественных методов.

Ключевые слова: Коллен де Планси, Корнелий Агриппа, Арнальд из Виллановы, Петр Абанский, история медицины, история культуры, псевдоатрибуция, суеверия, литература романтизма.

Отношения и деятельность: не оказывают влияния на представленный материал.

Перст Марина — свободный исследователь, выпускница Института Истории культур (УНИК), 2010, студентка магистратуры Ludwig-Uhland-Institut für Empirische Kulturwissenschaft/Eberhardt Karls Universität Tübingen, Пойтлингген, Германия. ORCID: 0000-0003-2440-8011.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): marina.buzykina@posteo.de

Рукопись получена 03.02.2022

Рецензия получена 16.02.2022

Принята к публикации 04.03.2022

Для цитирования: Марина Перст. Врач, астролог, еретик, алхимик и колдун, и ручной демон, который его всему научил: следы мифологизации и реабилитации фигуры врача в “Инфернальном словаре” Коллена де Планси. *Российский журнал истории Церкви*. 2022;3(1):61-80. doi:10.15829/2686-973X-2022-96. EDN: AHССТВ

**A doctor, an astrologer, a heretic, an alchemist and a sorcerer,
and a tame demon who taught him everything:
traces of the mythologization and rehabilitation
of the figure of a doctor in Collin de Plancy's *Infernal Dictionary***

Marina Perst

This article is devoted to biographies of doctors contained in the *Infernal Dictionary* of Collin de Plancy, and narrative topoi formed around the figure of a doctor in the historical past. One of the stable attributes that place biographies of doctors in the context of the history of the Church is the statement of tense and conflict-rich interaction, which, however, cannot be assessed unambiguously as a confrontation. Another dimension of the texts under consideration is their transformation under the influence of the compiler's conversion and the "christianization" of the *Infernal Dictionary* in the 1840s. The peculiarity of the approach of this study is the view of the figure of a doctor as a narrative construct, considered from the point of view of its internal logic, and not in relation to historical authenticity or unreliability. The aim of the study is to localize further stable combinations of narrative elements and attributes correlated with the figure of a doctor, and to formulate possible topics and disciplinary frameworks for further research of the problem, which is currently not described in Russian-language science. The material on which this article is written is also presented to the Russian-speaking scientific community for the first time, there are also practically no publications devoted to it in the Western tradition. The method used in the study is a qualitative analysis of the text following the example of field ethnographic studies with elements of quantitative methods.

Keywords: Collin de Plancy, Cornelius Agrippa, Arnaudus de Villa Nova, Peter de Abano, history of medicine, history of culture, pseudo-attribution, superstition, literature of Romanticism.

Relationship and Activities: none.

Marina Perst — independent researcher, a graduate of the Institute of Cultural History (UNIC), 2010, a graduate student of the Ludwig-Uhland-Institut für Empirische Kulturwissenschaft/Eberhardt Karls Universitätübingen, Reutlingen, Germany. ORCID: 0000-0003-2440-8011.

Corresponding author: marina.buzykina@posteo.de

Received: 03.02.2022

Revision Received: 16.02.2022

Accepted: 04.03.2022

For citation: Marina Perst. A doctor, an astrologer, a heretic, an alchemist and a sorcerer, and a tame demon who taught him everything: traces of the mythologization and rehabilitation of the figure of a doctor in Collin de Plancy's *Infernal Dictionary*. *Russian Journal of Church History*. 2022;3(1):61-80. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2022-96. EDN: АНССТВ

Инфернальный словарь (Dictionnaire infernal)¹ Коллена де Планси, представленный автором² в предисловии как "собрание заблуждений и сует"

¹ Полное название DICTIONNAIRE INFERNAL, ou RECHERCHES ET ANECDOTES, sur les Démons, les Esprits, les Fantômes, les Spectres, les Revenants, les Loups-garoux, les Possèdes, les Sorciers, le Sabbat, les Magiciens, les Salamandres, les Sylphes, les Gnomes, etc., les Visions, les Songes, les Prodiges, les Charmes, les Maléfices, les Secrets merveilleux, les Talismans, etc.; en un mot, sur tout ce qui tient aux Apparitions, à la Magie, au Commerce de l'Enfer, aux Divinations, aux Sciences secrètes, aux Superstitions, aux Choses mystérieuses et surnaturelles etc., etc., etc. включает всю содержательную программу и позицию составителя и представляет по сути готовую базу "полевых" терминов. Существует русскоязычная адаптация 1877 г., в которой книга потеряла название словаря и претерпела радикальную перемену структуры, и потому я ввожу в настоящей статье в оборот буквальный перевод краткой формы оригинального названия, "Инфернальный словарь" которым буду пользоваться далее.

² Об авторе: см. вводную статью к современной публикации текста первого издания *Инфернального словаря*: Delmas, M.-C. (2010). *Présentation*. In: Jacques Collin de Plancy: *Le Dictionnaire infernal ou*

верий, которые есть мифология современности и которые обошли вниманием как Энциклопедия, так и Dictionnaire de toutes les Mythologies, недавно опубликованный одним из известных литераторов”³, Речь при этом идет не просто о составлении компендиума суеверий, но суеверий “современных” и “наших”⁴. Насколько широко в рамках *Инfernального словаря* простираются современность с ее активной культурной памятью и границы “своего” культурного ареала — возможная тема для дальнейшего исследования этого материала. Я ограничусь здесь констатацией факта, что ни один из врачей, чьи биографии я рассматриваю в настоящей статье, не является уроженцем французских земель. Адаптация этих историй во французском языковом контексте происходит благодаря включению фрагментов биографий, переведенных с латыни, в словарь, и к этому обстоятельству я буду обращаться ниже.

Вопрос о жанровой принадлежности *Инfernального словаря* требует рассмотрения с точки зрения как истории науки, поскольку его автор позиционирует себя как критика институциональной церкви⁵, так и в контексте истории литературы. Мари-Шарлотт Дельма характеризует Коллена де Планси как сторонника философии просвещения⁶. Я склонна видеть в *Инfernальном словаре* не только феномен коллекции исторического знания определенного рода, но и в равной мере литературное произведение романтического стиля: то же самое относится к его современнику, Биографическому словарю Мишо⁷, или к Немецкой грамматике братьев Гримм (но в настоящий момент не располагаю теоретическими средствами для обоснования этого сравнения — М. П.). Исследований, посвященных интерпретации *Инfernального словаря* как феномена литературы XIX в. практически не существует⁸. Это вносит первые ограничения в дизайн исследования, а именно — ограничения проведения возможных внешних параллелей.

Я предлагаю сосредоточиться на сведениях, которые дает источник на уровне содержания текста и методов его подачи. Вопрос, который я при этом ставлю к тексту, — кто говорит и с какой целью? Это важно, поскольку помимо голоса составителя, который звучит явственно и открыто в предисловиях, большая часть собственно словарных статей, которые и составляют основной материал исследования, состоит из пере-

Recherches et anecdotes sur tout ce qui tient aux apparitions. Présentation de Marie-Charlotte Delmas. Éditions Fetsjaine, Paris, p. 5-13.

³ Dictionnaire infrenal...Préface. 1818, p. Vi. Этого автора Коллен де Планси не называет по имени и мне также пока не удалось его идентифицировать.

⁴ Там же.

⁵ Там же, vij-ix.

⁶ См. Delmas, M.-C. (2010), 6.

⁷ Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Éd. L.-G. Michaud. Paris, 1811—1828.

⁸ Huguët, B. E. (1902), *Quelques sources de Notre-Dame de Paris*, есть несколько упоминаний об использовании *Инfernального словаря* в качестве источника Виктором Гюго, но что еще любопытнее, также указание на то, что эта связь работала и в обратном направлении (p. 77).

сказа и подчас механической компиляции текстов других авторов⁹ из другого исторического контекста. Компиляция Коллена де Планси, в свете способа ее подачи как просветительской литературы, может рассматриваться как промежуточное звено между популярным знанием и первичными источниками.

Знание, которое интересует меня в рамках этой статьи — о том, кто такие врачи прошлого и как их место и занятия интерпретируются в отношении к вере, суеверию и науке. Я рассматриваю следы мифологизации и демифологизации фигуры врача в биографических описаниях *Инfernального словаря* и пытаюсь выявить и локализовать смысловые связи, в которых они существуют в рамках этого текста. В качестве конкретных примеров, на которых можно наблюдать динамику переосмысления составителем словаря этих отношений, возможно, под влиянием собственного опыта сближения с Церковью¹⁰, я рассматриваю биографические статьи об Арнальде из Виллановы (см. также статью Ю. В. Родионовой в этом номере — *М. П.*), Петре Абанском и Корнелии Агриппе, претерпевшие значительные трансформации содержания от более ранних редакций к поздним.

Исследование основывается на качественном анализе текста выбранных статей путем **кодирования секвенций**, выработке аналитических категорий на основании обобщений кодов, сопоставления эмпирических данных с рабочей гипотезой и адаптации рабочей гипотезы в направлении обоснованной теории.

Три избранных статьи стали результатом последовательного отбора минимального репрезентативного материала. Первичный отбор состоял в поиске по усеченной форме ключевого слова *médec**, затем повторно *méd** по оцифрованной копии издания *Инfernального словаря* 1863 г., подерживающей распознавание текста, на том основании, что 6 издание — финальное и самое полное. Отобранные статьи, общим количеством 40 единиц, были классифицированы по хронологическому признаку, затем на основании повторяемости выбраны новые ключевые слова (буквальные формулировки, повторяющиеся в статьях) для дальнейшего отбора. Затем была проведена селекция репрезентативных статей по следующим критериям:

- повторяемость статьи в разных изданиях словаря (от более поздних к более ранним);
- вхождение других ключевых слов (*sorcier**, *magie**, *astrologue**, *alchémie**, *démon** и их производных);
- содержательная полнота статьи (краткие статьи в три-четыре строки исключены).

⁹ Та же Мари-Шарлотт Дельма в своем предисловии перечисляет основные источники Коллена де Планси, но также подчеркивает, что этот список далек от всеохватности и указывает проблемы верификации источников. См. Delmas, M.-C. (2010), 6-7.

¹⁰ Об обращении Коллена де Планси см. Delmas, M.-C. (2010), 9. Она в качестве обоснования цитирует выдержки из его письма Куленбергу от 9 августа 1941 года. Опубликовано в *Journal historique et littéraire*, Liège, 1841.

На этом этапе было обнаружено, что примерно половина от общего числа, равно как и объема текста биографий, приходящихся на XVI в., появляются впервые в поздних изданиях (было принято трудное решение именно эту часть материала отложить в сторону и посвятить ей в будущем отдельную статью — М. П.). Тематическое ограничение контекстом истории Церкви продиктовало также то, что были исключены античные и арабские врачи, не вписывающиеся в тематику непосредственно, хотя на уровне структуры повествования наблюдаются очевидные параллели¹¹.

На основании этого первичного отбора информации мною была сформулирована рабочая гипотеза, состоящая в следующем:

1) историческая фигура врача в словарной статье содержит несколько слоев смысла, который ей приписывается: первый слой — фрагменты, содержащие свидетельства современников или близкие ко времени жизни описываемых персон (например, сведения из протокола обвинительного заключения); второй — интерпретация этих фрагментов источников в контексте раннего Нового времени (например, демонологии Пьера Деланкра¹², XVII в.); третий — контекстуализация разновременных нарративов составителем *Инфернального словаря*;

2) приписывания одних и тех же характеристик повторяются в ряде биографий врачей (например: “ручной демон, который его всему научил”) настолько очевидно, что можно говорить о своего рода каноне жанра;

3) артефакты описания, точнее приписывания фигуре врача определенных признаков (“врач, астролог и колдун/еретик”) и их корреляции, позволяют частично реконструировать внутреннюю логику их создателей. Но для этого (см. п. 1) необходимо дифференцировать, кто пишет, с какой позиции и с какими практическими целями;

4) по-разному работающая логика приписывания характеристик фигуре врача позволяет провести различие между этими разными историческими дискурсами;

5) встраивание фигуры врача путем манипуляции и адаптации доступных составителю словаря сведений в определенную систему ценностей коррелирует с эволюцией Коллена де Планси от манифестируемого верующего вольнодумца в верного сына Католической церкви.

Кто такие врачи в *Инфернальном словаре* Коллена де Планси?

Трое врачей, чьи биографии были выбраны в качестве репрезентативного образца¹³ — Петр Абанский, Арнальд из Виллановы и Корнелий Агриппа (первый и второй жили в середине XIII — первой трети XIV века,

¹¹ В частности, в биографиях Аверроэса и Авиценны.

¹² Delancré, P. (1612). *Tableau de l'inconstance des mauvais anges et démons, où il est amplement traité des sorciers et de la sorcellerie*, Paris; *L'Incrédulité et mécréance du sortilège pleinement convaincue* (1622). Paris.

¹³ Образец представляет собой совокупность всех редакций статьи о Петре Абанском (6: 1818, S. 181; 1825, p. 191-195; 1844, p. 401-402; 1845, p. 367-377; 1863, p. 544-545), все редакции статьи об Арнальде из Виллановы (5, в первом издании нет статьи об Арнальде; 1825, T. I, p. 241-242; 1844, T. I, p. 46; 1845, T. I, p. 43-44; 1853, T. I, p. 49; 1863, T. I, p. 51-52) и все редакции статьи о Корнелии Агриппе (6: 1818, p. 1-3; 1825, p. 36-46; 1844, p. 11-13; 1845, p. 7; 1853, p. 11-13; 1863, p. 10).

последний в XV — XVI веках) разделяют общий набор характеристик, на которых строятся их жизнеописания в *Инфернальном словаре*.

Врач, астролог, волшебник

Врачи совмещают разные виды деятельности, причем медицине во всем этом разнообразии отведена самая скромная роль. Всем троим в комплексе с указанием на профессию врача (*médecin*) приписывается качество астролога (*astrologue*) или занятие астрологией и качество волшебника (*magicien*) (рис. 1).

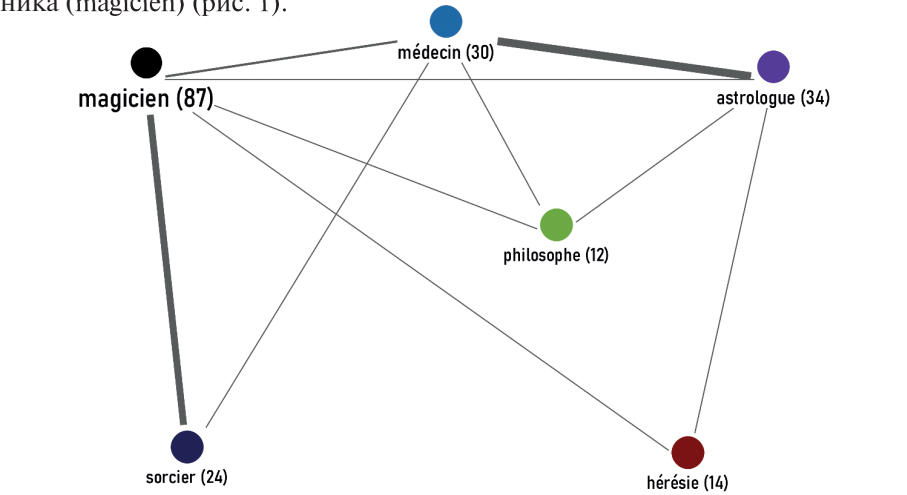

Рис. 1. Вхождения ключевых слов, описывающих занятия врачей в выбранных трех биографиях (все редакции).

Контекста, в которых врач выступает в качестве врача, всего три: представление персонажа, упоминание о том, на службе у кого он был врачом, и, в случае Арнальда из Виллановы, также упоминаются “знания медицины”, которые противопоставляются “фантазиям астрологии”.

Врачом (*médecin*) каждый из троих называется непосредственно во вступительной части статьи:

Петр Абанский

l'un des plus fameux philosophes et médecins de son siècle Один из самых знаменитых философов и врачей своего века	1818
Fameux philosophe, astrologue et médecin Знаменитый философ, астролог и врач	1825
Philosophe, astrologue et médecin Философ, астролог и врач	1844, 1845, 1853, 1863

Арнальд из Виллановы

Médecin , astrologue, hérétique, alchimiste et sorcier Врач , астролог, еретик, алхимик и колдун	1825
Médecin , astrologue et alchimiste Врач , астролог и алхимик	1844, 1845, 1853, 1863
Il mêlait à ses vastes connaissances en médecine des rêveries astrologiques Он сочетал обширные знания медицины с астрологическими фантазиями	1825, 1844, 1845, 1853, 1863

Корнелий Агриппа

Эпитет “врач” отсутствует в посвященной ему статье, в то время как все прочие мотивы, такие как образованность, сюжет с волшебными деньгами, обвинение в магии и колдовстве, скитания и приписываемые ему сочинения, а также легенда о смерти Агриппы и черной собаке, которые повторяются в позднейших изданиях, уже есть	1818
Médecin et philosophe, l'un des savans hommes de son temps Врач и философ, один из умнейших людей своего века	1825
Médecin et philosophe, contemporain d'Erasmus Врач и философ, современник Эразма	1844, 1845, 1853, 1863

Вступительная часть проблематична в плане проверки рабочих гипотез (1) и (3), поскольку резюме в равной степени может расцениваться как результат выбора характеристик составителем статьи, так и влияния формулировок источников, которыми он пользовался. В случае Корнелия Агриппы заметно, что первая редакция статьи не указывает вовсе никакого определенного занятия, с которым его можно было бы отождествить, она начинается словами “un des plus grandes hommes de son siècle”, которые можно интерпретировать практически бесконечным количеством способов.

Дальнейшее конструирование образа, сперва как “одного из умнейших людей своего времени”, можно с определенной небольшой долей вероятности связать с пассажем в тексте, в ироничной форме описывающим способность Агриппы стяжать богатства благодаря его редкой *проницательности* (1818, р. 2; 1825, р. 37-38; 1844, р. 12-13; 1845, р. 8, 1853, р. 12-13); в данном случае составитель *Инfernального словаря* цитирует сочинение Андре Теве, конца XVI в.¹⁴, и при этом передает название сочинения о знаменитых мужах как *Vies des hommes illustres*. Если предположить, что это так, то Коллен де Планси как компилятор статьи реабилитирует своего героя, трансформируя в позитивное качество (“один из умнейших людей своего времени”) ту *проницательность*, которая в тексте Теве была скорее обвинением. “Современник Эразма” с этой точки зрения представляется еще более убедительным шагом в направлении реабилитации, и это предположение косвенно поддерживает то обстоятельство, что из последней редакции статьи об Агриппе исключены все истории о чудесах, сношениях с дьяволом и страшной смерти, которые в ранних изданиях занимали большую часть этой весьма длинной статьи. Не лишним будет также отметить, что помимо рационализации содержания статьи, Агриппа в редакции 1863 г. получает лицо (см. иллюстрацию Луи Бретона, рис. 2), которое вопреки описаниям *демологов*, цитировавшимся в ранних изданиях, не содержит следов “магического уродства” (1825, р. 37; 1844, р. 12; 1845, р. 7; 1853, р. 12), и, более того, изображает ученого в рабочем кабинете с массивным распятием на стене, и в целом изобразительные средства содержат значительно больше реминисценций иконографии, к примеру, Иеронима в келье, чем доктора Фауста.

¹⁴ Thevet, A. (1584). *Les vraies portraits et vies des hommes illustres grecz, latins et payens*. Paris.

Рис. 2. Иллюстрация Луи Бретона в издании *Инфернального словаря* 1863 года.

Полную противоположность представляет собой случай Арнальда, который в первой редакции представлен самой долгой чередой эпитетов, каждый из которых подтверждается содержанием статьи: врач папы Климента V (*médecin*), “фантазии астрологии”, предсказание конца света в 1335 г. и приписываемая ему книга про талисманы знаков зодиака (*astrologue*), обвинение в ереси и бегство на Сицилию, обвинение его книг инквизицией Таррагоны (после смерти) в еретических суждениях (начиная с редакции 1844 г.) (*hérétique*); попытки добыть философский камень и изготавливать золото, также приписываемые ему алхимические сочинения (*alchimiste*); попытки создать гомункула (*sorcier*).

В первоначальной редакции заметно, что Арнальд инсценируется как ученый, противопоставляющий себя авторитету Церкви: “Он говорил, что добрые дела и службы, оказанные человечеству, лучше, чем все то, что священники называют делами благочестия, даже чем таинство Евхаристии; из-за этого он был обвинен в ереси и вынужден бежать на Сицилию”. Это высказывание представляется как факт, без указания, чьи это слова, и, поскольку эта фраза исчезает уже во третьем издании, я склонна предполагать за ней интерпретацию самого Коллена де Планси. Косвенным подтверждением этого предположения могут служить критические высказывания в адрес официальной Церкви, высказанные в авторском предисловии к первому изданию. Еще одна фраза, делающая Арнальда воинствующим антиклерикалом, помещена в предпоследний абзац статьи и присутствует также только в издании 1825 г.: “Инквизиция Таррагоны сожгла его книги спустя три года после его смерти. Ему не простили в осо-

бенности того, что он говорил, все монахи будут прокляты”. В последующих изданиях формулировка замена на: “Инквизиция Таррагоны тем не менее сожгла его книги, содержавшие многочисленные еретические утверждения, спустя три года после его смерти”, — “тем не менее” служит для дифференцирования между ложным обвинением в колдовстве и обвинении сочинений в ереси.

Нужно отметить, что в отличие от Арнальда и Агриппы, чье занятие медицинской подтверждается дальнейшими вхождениями (см. ниже) эпитета “врач”, в случае Петра Абанского его занятия медицинской, в рамках текста статьи, ничем не обосновываются, как и эпитет “философ”. В случае Агриппы эпитет “философ” подтверждается одним единственным вхождением, которое связывает “философию” с “магией”, и это пограничное состояние сравнивается с современным соотношением между магнетизмом и спиритизмом: “Entraîné par ses études philosophiques dans les excentricités où la magie intervenait, comme de nos jours le magnétisme et le spiritisme...”. Этот фрагмент проливает немного света на то, какое именно представление о философии скрывается за этим словом в данном контексте (более того, в продолжении фразы она названа по имени: “la théurgie des néo-platoniciens ... de l'école d'Alexandrie” — теургия неоплатоников... александрийской школы), но что еще любопытнее — источником представления просвещенного общества XIX в. о науке и суеверии является Gougenot des Mousseaux: *La magie au dix-neuvième siècle*, p. 210.

Врач выступает также в роли астролога в контексте придворной службы, о чем речь подробнее пойдет в следующем разделе, но также ему может приписывается способность предвидеть будущее. Так, во всех редакциях статьи об Арнальде из Виллановы констатируется, что он “предсказал конец света в 1335 году”. Менее прямая связь — между фигурой врача и выступающим в качестве двойника астрологии даром прорицания. В статье о Петре Абанском приводится примечание, относящееся не к нему самому, как носителю дара прорицания, а к фонтану в его родном городе, который “раньше возвращал дар речи немым и который дает дар предсказывать судьбу тем, кто из него пьет”. Источником этой любопытной подробности является седьмая песнь Фарсалии Лукана¹⁵. Еще одно слово, в биографии Арнальда из Виллановы, формирует противопоставление “знаний о медицине” (позитивная коннотация) “фантазиям астрологии” как двух полюсов образованности этого человека, при этом, не стоит реконструировать коннотацию “фантазий” (*rêveries*) как негативную, поскольку в других местах то же слово встречается в контекстах, которые указывают на его невинный или несерьезный характер в противоположность столь опасному¹⁶.

Второй контекст связывает должность врача со службой высокопоставленной персоне:

¹⁵ Лукан: *De Bello Civili VII*, 193.

¹⁶ Например, в контексте оправдания сочинения Агриппы “Об оккультной философии”, 1844, p. 12; 1845, p. 8, 1853, p. 12 “Les pensées de ce livre et celles que le même savant exposa dans son commentaire *In artem brevem Raymundi Lulli*, ne sont que des rêveries” (Мысли в этой книге, а также те, которые автор изложил в своем комментарии *In artem brevem Raymundi Lulli*, не более, чем фантазии).

Арналд из Виллановы

Delrio... observe fort bien, que le Pape Clément V ne l'eût pris pour son médecin , s'il eût donné dans la magie Дельрио ... весьма точно замечает, что папа Климент V не назначил бы его своим врачом , если бы тот занимался колдовством	1825
... et le Pape Clément V ne l'eût pris pour son médecin , s'il eût donné dans la magie ... и папа Климент V не назначил бы его своим врачом , если бы тот занимался колдовством	1844, 1845, 1853, 1863

Корнелий Агриппа

Louise de Savoie, mère de François I ^{er} , le nomma son médecin , et voulut qu'il fut aussi son astrologue, ce qu'il refusa Луиза Савойская, мать Франциска I, назначила его своим врачом и хотела также, чтобы он стал ее астрологом, от чего он отказался	1825
Louise de Savoie, mère de François I ^{er} , le prit pour son médecin . Elle voulait qu'il fût aussi son astrologue, ce qu'il refusa Луиза Савойская, мать Франциска I, сделала его своим врачом . Она хотела также, чтобы он стал ее астрологом, от чего он отказался	1844, 1845, 1853
Il avait des prétentions à pénétrer l'avenir, et on raconte qu'il promit au connétable de Bourbon des succès contre François I ^{er} , ce qui était peu loyal, car il était alors le médecin de Louise de Savoie Он утверждал, что способен предвидеть будущее, и говорят, что он предсказал коннетаблю де Бурбону победу над Франциском I, что было неloyal, ибо он в то время был врачом Луизы Савойской	1863

На примере этих двух групп секвенций заметно, что в комбинации с мотивом близости к власти (princes) роль врача как “волшебника” и “астролога” описывается с точки зрения легитимации: сам факт того, что Арналд был избран врачом папы Климента V — уже достаточное свидетельство против обвинения в занятиях волшебством. В первой редакции статьи это замечание Дельрио, ученого иезуита середины XVI в., которому также посвящена статья *Инfernального словаря*, автора сочинения о магии, известного во французском переводе Андре Дюшена под заголовком *Les controverses et recherches magiques* (1611), в изданиях после 1844 г. оно превращается в констатацию объективного факта.

Легитимация занятия астрологией в случае Агриппы при дворе принцессы Луизы Савойской работает несколько иначе: оно описывается не как факт, а как желание, высказанное принцессой, на которое Агриппа отвечает отказом. Косвенным подтверждением тому, что помимо этой негативной формы топоса “врач и алхимик при королевском дворе” (кстати, прекрасно воплощенного также в художественной литературе первой трети XIX в. и с определенной долей вероятности вдохновленного *Инfernальным словарем*; предположение, требующее проверки. — М. П.) в статье присутствует и позитивная форма, которой служит указание на предсказание успеха коннетабля против Франциска I. В редакции 1863 г. эти два факта, предсказание успеха коннетабля и служба лейб-медиком матери Франциска, связаны в общий контекст сомнительной лояльности врача, в то время как смысл “предсказания” в значении астрологического гороскопа выражен формулировкой: “он считал себя способным предвидеть будущее, и утверждают также...”, — и далее следует пассаж о победе коннетабля. В редакции 1844, 1845 и 1853 гг. он напрямую обвинен в *измене*, но не в занятиях астрологией.

Обвиняемый

Врачи в чести у правителей, как светских, так и духовных, хотя эта честь очень легко оборачивается немилостью, но вот широкая публика испытывает к ним в нарративных рамках статей устойчивую неприязнь. Они выступают в роли подозреваемых, преследуемых, ненавидимых и гонимых. Устойчивый комплекс, присутствующий также во всех трех биографиях и описанный кодом *accusé*, представляет собой все ступени обвинения, начиная от вербальных формулировок “ему ставят в вину...”, подозрения в преступлении, через осуждение, тюремное заключение, изгнание, вплоть до посмертных санкций в отношении самого героя или его произведений (рис. 3).

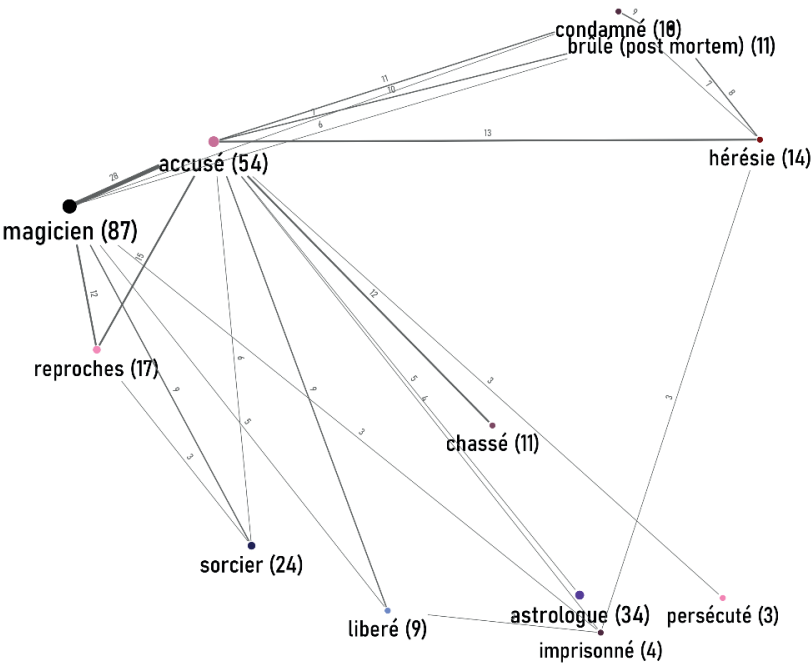

Рис. 3. Вхождения ключевых слов, относящихся к обвинениям, с указанием частоты пересечения кодов в рамках одного сегмента (числа вдоль линий).

Петр Абанский

Il fut poursuivi comme magicien par l’inquisition; et, s’il eût vécu jusqu’à la fin du procès il y a beaucoup d’apparence qu’il eût brûlé vivant, comme il le fut en effigie, après sa mort Инквизиция преследовала его как колдуна; и если бы он дожид до окончания процесса, весьма вероятно, что его сожгли бы заживо, как это сделали с его чучелом после его смерти	1818
Il fut poursuivi comme hérétique et magicien par l’inquisition; et, s’il eût vécu jusqu’à la fin du procès il y a beaucoup d’apparence qu’il eût brûlé vivant, comme il le fut en effigie, après sa mort Инквизиция преследовала его как еретика и колдуна; и если бы он дожид до окончания процесса, весьма вероятно, что его сожгли бы заживо, как это сделали с его чучелом после его смерти	1825, 1844, 1845, 1853, 1963

Арнальд из Виллановы

Ce qui le fit condamner comme hérétique, et l' obligea de s'enfuir en Sicile Из-за этого он был обвинен в ереси и вынужден бежать на Сицилию	1818
On l' accusa aussi de magie Его также обвиняли в магии	1825, 1844, 1845, 1853, 1863
Mariana lui reproche d'avoir essayé de former un homme avec du sperme et mêlé à certaines drogues et depose dans une citrouille Мариана вменяет ему попытку создать человека из спермы, смешанной с определенными снадобьями, помещенными в тыкву	1825
Mariana lui reproche d'avoir essayé de former un homme avec de certaines drogues déposées dans une citrouille Мариана вменяет ему попытку создать человека из определенных снадобий, помещенных в тыкву	1844, 1845, 1853, 1863
... mais Delrio lui-même justifie Arnaud [sic] de Villeneuve des ces accusations absurdes ... но даже Дельрио оправдывает Арнальда де Вильнева от всех этих абсурдных обвинений	1825
Mais Delrio justifie Arnould de Villeneuve de ces accusations Но Дельрио оправдывает Арнольда де Вильнева от этих обвинений	1844, 1845, 1853
L'inquisition de Taragone fit brûler ses livres ... apers sa mort. On ne lui pardonnait pas surtout d'avoir dit que tous les moines seraient damnés Инквизиция Таррагоны сожгла его книги ... после смерти. Ему не простили в особенности того, что он говорил, все монахи будут прокляты	1825
L'inquisition de Taragone fit pourtant brûler ses livres , empreints de plusieurs sentiments hérétique, ... apres sa mort Инквизиция Таррагоны тем не менее сожгла его книги , содержавшие многочисленные еретические утверждения ... после его смерти	1844, 1853, 1863

Корнелий Агриппа

On l' accusa de sorcellerie, et plus qu'une fois il fut obligé de fuir pour se soustraire aux mauvais traitement de la populace ignorante, qui débitait sur son compte une foule d'absurdités Его обвиняли в колдовстве и неоднократно он вынужден был бежать и скрываться от притеснений невежественного народа, который приписывал ему гору бессмыслиц	1818, 1825
Il déclame contre la magie et les arts superstitieux. Si donc il fut obligé plus d'une fois de prendre la fuite pour se soustraire aux mauvais traitements de la populace, qui l' accusait de sorcellerie, n'est-il pas ... que son esprit caustique, ... ses mœurs mal réglées, lui faisaient des ennemis, ou que son caractère d'agent diplomatique le mettait ... dans des situations périlleuses, ou que la médecine empirique, ... l'exposait à des catastrophes Он выступает против магии и суеверных искусств. Если он неоднократно вынужден был бежать и скрываться от притеснений невежественного народа, который обвинял его в колдовстве, ... то это его желчный характер, ... его дурной нрав создали ему врагов, или характер его дипломатической службы, которая ... ставила его в опасные ситуации, или практическая медицина ... подвергала его катастрофам	1844, 1845, 1853
Il a donc fait réellement de la magie, comme l'en accusent les démonologues, ou du moins il l'a tenté Он действительно занимался магией, в чем его обвиняли демонологи, или, по крайней мере, пытался	1863
Thevet, dans ses Vies des hommes illustres, attribue à la manie "de faire partout des tours de son métier de magicien, ce qui le faisoit reconnoître et chasser incontinent" Теве, в своих Жизнях знаменитых мужей, приписывает ему манию "повсюду заниматься своим ремеслом колдуна, из-за чего его узнавали и нещадно гнали "	1844, 1845, 1853
Agrippa, craignant qu'on ne le soupçonnât d'être l'auteur de cette mort, parce qu'elle était arrivée chez lui, commanda au malin esprit de rentrer dans le corps Агриппа, опасаясь, что в нем заподозрят виновника этой смерти, потому что она случилась у него, приказал злему духу вернуться в тело	1818, 1825

Agrippa, craignant qu'on ne le soupçonnât d'être l'auteur ou la cause de cette mort arrivée dans sa chambre, commanda à l'esprit malin d'entrer dans le corps Агриппа, опасаясь, что в нем заподозрят виновника этой смерти, потому что она случилась в его комнате, приказал злему духу вернуться в тело	1844, 1845, 1853
À Metz ... il s'éleva très vivement contre le réquisitoire de Nicolas Savin, qui voulait faire brûler comme sorcière une paysanne. La spirituelle et vive éloquence d'Agrippa fit absoudre cette fille В Метце ... он выступил очень живо против обвинения Николя Савена, который намеревался сжечь за колдовство крестьянку. Тонкая и живая риторика Агриппы заставила оправдать девушку	1844, 1845, 1853
Il composa le livre de la Philosophie occulte, censuré par les chrétiens, pour lequel il fut chassé de la Flandre Он сочинил книгу об Оккультной философии, которую запретили христиане, за которую его изгнали из Фландрии	1818, 1825, 1844, 1845, 1853
Son ouvrage de la <i>Philosophie occulte</i> le fit accuser de magie, et il passa une année dans les prisons de Bruxelles; il en fut tiré par l'archevêque de Cologne, qui avait accepté la dédicace de ce livre, dont il vit bien que l'auteur n'était pas sorcier Из-за его сочинения об Оккультной философии его обвинили в магии, и он провел год в тюрьмах Брюсселя; отсюда его освободил архиепископ Кёльна, который принял посвящение этой книги, автор которого очевидно не был колдуном	1825
Il s'y était fait des ennemis, à qui il donna un prétexte par la publication de son ouvrage de la Philosophie occulte. On accusa ce livre d'hérésie et de magie; et, en attendant qu'il fût jugé , l'auteur passa une année dans les prisons de Bruxelles. Il en fut tiré par l'archevêque de Cologne, qui avait accepté la dédicace du livre, dont il reconnut publiquement que l'auteur n'était pas sorcier Он нажил врагов там себе врагов, которым он дал повод публикацией своего сочинения об Оккультной философии. Эту книгу обвинили в ереси и магии, и в ожидании суда он провел год в тюрьмах Брюсселя. Оттуда его освободил архиепископ Кёльна, который принял посвящение книги, и публично признал, что ее автор не был колдуном	1844, 1845, 1853
Sa Philosophie occulte lui attira des persécutions . On y voit, malgré d'habiles détours, les traces évidentes de la théurgie Его Оккультная философия навлекла на него преследование . В ней видели, несмотря на хитрые уловки, очевидные следы чародейства	1863
De manière qu'il prit la route d'Italie, qu'il empoisonna tellement, que plusieurs gens de bien lui donnèrent encore la chasse Так что он отправился в Италию, которую он настолько развратил, что многие благонамеренные люди вновь изгнали его	1818, 1825, 1844, 1845, 1853
Il mourut ... abhorré de tout le monde, et détesté comme un magicien maudit, parce que toujours il menait en sa compagnie un diable sous la figure d'un chien noir Он умер ... ненавидимым и презираемым всеми, как проклятый колдун, поскольку его всегда сопровождал дьявол в виде черной собаки	1818, 1825, 1844, 1853

Содержание обвинений позволяет выделить несколько тематических блоков:

Реальные обвинения

Обвинение со стороны Церкви в ереси или колдовстве, подаваемое в тексте как объективное историческое событие. Такое обвинение может относиться как к персоне (Петр Абанский описан как преследуемый инквизицией по обеим статьям, Арнальд из Виллановы обвиняется в ереси и вынужден бежать на Сицилию (вар. 1825 г.), так и к текстам (книги Арналда признаны содержащими еретические суждения; «Оккультная философия» Корнелия Агриппы становится поводом для судебного процесса над ним), и исходом может быть как осуждение (чучело Петра Абанского сожжено после его смерти, книги Арналда из Вил-

лановы сожжены после его смерти), так и оправдание (епископ Кёльна освобождает Агриппу из тюрьмы и оправдывает его книгу от обвинений в магии). Помимо этого, в биографии Агриппы (1844, 1845, 1853 гг.) есть пример смены ролей в рамках этого сюжета: он выступает в защиту обвиненной в колдовстве крестьянки и в итоге спасает ее от костра. Источник этого сюжета не указан. Дальнейшее чтение обнаруживает амбивалентность этого поступка, которая выражается редакторским замечанием Коллена де Планси по поводу того, “что сторонники колдовства Агриппы не были удивлены, что подобный проходимец защищает тех, кто занимается магией, потому что он сам ею занимается” (1844, р. 12, 1845, р. 8, 1853, р. 12).

Приписываемые деяния

Составитель словаря приписывает Арнальду поступки или суждения, основанные на собранной информации из других письменных источников, и дает собственную критическую позицию. В случае обвинения Арнальда из Виллановы в попытке создать гомункула складывается следующая картина: Мариана (Хуан де Мариана, испанский ученый иезуит, живший в XVI — XVII, автор опубликованного в 1592 г. труда *Historiae de rebus Hispaniae*, на который Коллен де Планси дает сноску в примечании: *Rerum Hispanic., lib. 14, cap. 9*) *вменяет Арнальду в вину* “попытку создать человека”, и далее следует, осмелюсь на этом месте предположить, восходящее к тексту того же автора, подробное описание средств: “из спермы, смешанной с определенными снадобьями, помещенными в тыкву”, в то время как *даже* Дельрио, (опять же со ссылкой на источник высказывания в сочинении Дельрио: *Disquis. Mag., lib. I, cap. 5, quæst. I, sect. 4*) *оправдывает Арнальда от всех этих абсурдных обвинений*. Курсивом я выделила предполагаемые редакторские вставки составителя *Инфернального словаря*, который представляет это противоречие доступных ему источников таким образом, который внушает ложность обвинения, симпатию по отношению к персонажу и доверие к источнику, который его оправдывает. В последующих редакциях исчезает эпитет “абсурдные” в отношении обвинений, и, что примечательно, скандальная подробность об операции со спермой. Предположение о том, насколько серьезные последствия в данном контексте могли для врача иметь инкриминируемые ему манипуляции с жидкостями человеческого тела (отдельный вопрос о том, кто мог быть донором и как себе представлять забор пробы) нуждается в проверке со стороны историков медицины и историков Церкви.

Мистификации

Обвинения во враждебности и в “дурной славе” выступают в качестве лейтмотива биографии Корнелия Агриппы. Они сочетаются с приписываемыми ему характеристикам чуждости, странности, инаковости, относящихся как к внешности (см. выше, “магическое уродство”), так и образу жизни, связанному со скитаниями по свету (обоснованными как через позитивное приписывание, а именно долг дипломатической службы, так и негативное — изгнание или бегство), а также амбивалентному статусу благосостояния: Агриппа в своей жизни успевает побыть невероятно богатым и умереть в нищете (см. ниже описание смерти).

Это обстоятельство приобретает новый смысловой оттенок, если расширить контекст за пределы приведенных выше секвенций и принять во внимание, что во всех редакциях статьи о нем, кроме краткой 1863 г., присутствует упоминание о том, что он в “путешествиях расплачивался крупными монетами, которые по прошествии нескольких дней превращались в черепки и скорлупу” (1818) “кусочки рога, скорлупы или кожи” (1825) “и иногда листья деревьев”, добавляют издания 1644, 1845 и 1853 гг. Петру Абанскому приписывается очень похожее умение “заставлять потраченные деньги возвращаться в кошелек” (1818, р. 181; 1825, р. 191; 1844, р. 402; 1845, р. 367; 1853, р. 401. 1863, р. 544).

Агриппа приказывает дьяволу, и тот повинуется (случай с задушенным учеником в Лувене, 1818, р. 2; 1825, р. 36; 1844, р. 12; 1845, р. 8; 1853, р. 12), и это умение разделяет с ним история, переданная Томазо Гарзони: Петр Абанский, повелевающий дьяволу принести ему воды из колодца на соседней улице (1818, р. 181; 1825, р. 191; 1844, р. 402; 1845, р. 367; 1853, р. 401. 1863, р. 544). Биография Петра Абанского в редакциях с 1825 г. дополнена подробной инструкцией по заклинанию духов и дьявола, взятой из *Гептамерона, или Магических элементов*¹⁷ (не путать с *Гептамероном* Маргариты Наваррской), книге, приписываемой одновременно Петру Абанскому и Агриппе. Текст заклинания даже заметно длиннее остальной части статьи. Заклинание, название сочинения и легенда, делающая Петра Абанского учеником Агриппы, извлечены Колленом де Планси из книги, ссылку на которую он дает в примечании в редакции 1863 года: *Des erreurs et des préjugés*, t. I, p. 315.

В свете всех этих любопытных деталей обосновано поставить вопрос о том, насколько эта биография находится в общем русле развития литературного фаустовского мифа в эпоху романтизма,¹⁸ и перенести анализ в предметную область истории литературы.

*Мифологизация: оккультные книги,
и ручной демон, который его всему научил*

Есть два устойчивых признака, которые фигурируют во всех трех биографиях (и большинстве вынесенных мною за скобки в рамках данного исследования), но которые не преподносятся как обвинения, несмотря на их далекий от невинности характер: помощь ручного демона (*démon familier*) и оккультные книги (*livres occultes*).

Петр Абанский

Il sacquit [sic] la connaissance des sept arts libéraux, par le moyen de sept esprits familiers qu'il tenait enfermés dans des boîtes de cristal Он приобрел знание семи свободных искусств через посредство семи ручных духов , которых он держал закрытыми в хрустальном ларце	1818
---	------

¹⁷ Les Œuvres magiques de Henri-Corneille Agrippa, par Pierre d'Aban, latin et français, avec des secrets occultes, ih-24, réimprimé à Liège, 1788. “Heptaméron, où les Éléments magiques” — название первой части этого сочинения.

¹⁸ См. классический труд Дедёян, Ch. (1955—1959). *Le thème de Faust dans la littérature européenne*, T. 2, 3.

Il s'acquit la connaissance des sept arts libéraux, par le moyer de sept esprits familiers qu'il tenait enfermés dans une bouteille, ou dans des boîtes de Christal Он приобрел знание семи свободных искусств через посредство семи ручных духов , которых он держал закрытыми в бутылке или в хрустальных ларцах	1825, 1844, 1845, 1853, 1863
Les amateurs de livres superstitieux recherchent sa Géomancie (Geomantia; in-8°, Vénise, 1549) Любители судебных книг ценят его Геомантию (Geomantia; in-8°, Vénise, 1549)	1825, 1844, 1845, 1853, 1863
Mais ne lui attribuons pas un petit livre qu'on met sur son compte et dont voici le titre: les Œuvres magiques de Henri-Corneille Agrippa, par Pierre d'Aban, latin et français, avec des secrets occultes, in-24, réimprimé à Liège, 1788 Но не будем приписывать ему маленькую книгу, которую записывают на его счет , заглавие которой Магические труды Генриха Корнелия Агриппы, написано Петром Абанским, на латыни и французском, с оккультными тайнами, in-24, réimprimé à Liège, 1788	1825, 1844, 1845, 1853, 1863

Арнальд из Вилановы

François Pegna dit qu'il devait au démon tout ce qu'il savait d'alchimie Франсуа Пенья утверждает, что он был обязан демону всем, что знал об алхимии	1825, 1844, 1845, 1853, 1863
On met sur son compte beaucoup d'ouvrages d'alchimie ou de magie auxquels il n'a pas eu la moindre part. Tels sont, le livre des <i>Ligatures physiques (De physiciis ligaturis.)</i> , qui est une traduction d'un livre arabe; et celui des <i>Talismans des douze signes du zodiaque. (De sigillis duodecim signorum)</i> On lui attribue aussi fausement le livre des <i>Trois imposteurs</i>	1825, 1844, 1845, 1853
On met sur son compte beaucoup d'ouvrages d'alchimie ou de magie auxquels il n'a pas eu la moindre part. Tels sont, le livre des <i>Ligatures physiques (De physiciis ligaturis.)</i> , qui est une traduction d'un livre arabe; et celui des <i>Talismans des douze signes du zodiaque. (De sigillis duodecim signorum)</i> On lui attribue aussi fausement le livre stupide et infame des <i>Trois imposteurs</i> Ему приписывают множество сочинений по алхимии и магии , к которым он не имел ни малейшего отношения. Таковыми являются: книга "О физических связях", которая представляет собой перевод арабской книги; и "Талисманы двенадцати знаков зодиака". Ему также ошибочно приписывают книгу "Троих обманщиков"	1863

Корнелий Агриппа

Il menait en sa compagnie un diable sous la figure d'un chien noir Его всегда сопровождал дьявол в виде черной собаки	1818, 1844, 1845, 1853
Wierus, ... dit qu'en effet ce grand homme avait beaucoup d'affection pour les chiens, qu'on en voyait constamment dans son étude, ... et qu'on prétendait que ces deux chiens étaient deux diables déguisés Вьерус ... пишет, что этот великий человек действительно испытывал большую привязанность к собакам, которых всегда видели в его рабочем кабинете, ... как утверждали, под видом этих двух собак скрывались дьяволы	1825
Wièrus ... dit qu'en effet cet homme avait beaucoup d'affection pour les chiens, qu'on en voyait constamment deux dans son étude, ... et qu'on prétendait que ces deux chiens noirs étaient deux diables déguisés Вьерус ... пишет, что этот человек действительно испытывал большую привязанность к собакам, которых всегда видели в его рабочем кабинете, ... как утверждали, под видом этих двух черных собак скрывались дьяволы	1844, 1845, 1853
Paul Jove ajoute qu'aux approches de la mort, comme on le pressait de se repentir, il ôta à ce chien, qui était son démon familier , un collier garni de clous qui formaient des inscriptions nécromantiques Поль Жове добавляет, что на пороге смерти, когда он испытывал нужду покаяться, он снял с собаки, которая была его ручным демоном , ошейник, украшенный заклепками, которые складывались в некромантические надписи	1825, 1844, 1845, 1853

Il composa le livre de la Philosophie occulte , censuré par les chrétiens, Он сочинил книгу об Окультиной философии, которую запретили христиане, за которую его изгнали из Фландрии	1818, 1825, 1853
Agrippa, dit Delancré, composa trois livres assez grands de la magie démoniaque Агриппа, пишет Деланкр, сочинил три довольно толстые книги о демонической магии	1825, 1845, 1853
Ce qui l'a surtout fait passer pour magicien, c'est qu'on lui attribua , vingt-sept ans après sa mort, un fatras plein de cérémonies magiques et superstitieuses , qu'on donna pour le quatrième livre de sa Philosophie occulte, et qui n'est qu'un recueil de fragmens décousus de Pierre d'Apone, de Pictorius, de Trithème et d'autres songe-creux То, что создало ему славу волшебника, это приписанная ему спустя двадцать семь лет после смерти груда магических и суеверных церемоний , которое выдавали за четвертую книгу Окультиной философии, и которое было ни чем иным, как собранием бессвязных отрывков из Петра Абанского, Пикториуса, Тритемия и прочих пустословов	1825, 1844, 1845, 1853
Pour le livre magique attribué à Henri Corneille Agrippa, voyez Apone Магическая книга, приписываемая Генриху Корнелию Агриппе, см. Петр Абанский	1825
On a mis sous son nom de stupides opuscules magiques Ему приписывали глупые сочинения о магии	1863

Связь двух фигур: врача и демона (дьявола), который выступает его помощником, формируют смысловую конструкцию, показывающую, что лично врач и его искусство не принадлежат к миру постигаемых (материальных) вещей. Также стоит подчеркнуть, что занятия, которым посвящает себя врач, в этом контексте не имеют прямого отношения ни к лечению пациентов от болезней (в случае эмпирической медицины, которую практиковал Агриппа), ни к объяснению причин и течения болезней. Конкретизирую, что я имею в виду: семь свободных искусств в контексте университетского образования — это вполне осязаемые дисциплины, опирающиеся на вполне конкретные тексты, легитимированные авторитетом Церкви. Вот что происходит, когда читатель вместо сведений от том, что некто Петр Абанский изучал у неких учителей в течение положенного времени свободные искусства, и весьма в них преуспел: содержание и качество свободных искусств, изучение которых изъято из этой институциональной и дисциплинарной рутины, мгновенно переосмысливается как тайное знание и образ “духов, заключенных в бутылке”, как нельзя лучше это качество подчеркивает. Труд, который Коллен де Планси, или источник, который он цитирует, не ссылаясь, указывает в качестве сочинения самого Петра Абанского (по крайней мере он не ставит под вопрос авторство), предлагается вниманию “любителей суеверных книг”, и эта оценка определенно пренебрежительная. Что не вполне понятно — почему составителю словаря важно провести различие между “суеверной книгой”, действительно написанной Петром Абанским, и суеверной книгой, приписываемой ему. Проблема не может быть в содержании: судя по названиям, *Геомантия*¹⁹ и *Магические труды Генриха Корнелия Агриппы, написанные Петром Абанским* — обе посвящены вопросам магии. Редакторские вставки Коллена де Планси во многих сходных ситуациях позволяют высказать предположение, что ему важно обозначить границу между более или менее обоснованными частями повествования и откровенным вымыслом. Тексты, приписываемые историческим фигурам Петра Абанского,

¹⁹ Geomantia; in-8°, Vénise, 1549.

Корнелия Агриппы или Арнальда из Виллановы, но не связанные с авторством этих людей, дают жизнь мифам о них, которые все больше отдаляются по смыслу, с одной стороны, от прообразов, а с другой — вбирающие в себя все больше атрибутов, связываемых с фигурами чудотворца, колдуна, всесильного посредника между миром людей и демонов. Стоит заметить, что посредничество демона в качестве источника знаний и написание в соавторстве с ним таинственных книг ни в одном из рассматриваемых случаев не касается именно медицинской практики. Арнальд из Виллановы, как сообщает Франсуа Пенья²⁰, а Коллен де Планси передает его слова, “обязан демону всем, что он знал об алхимии”. Приписываемые ему книги, перечисленные в заключении — также книги по алхимии и магии, а последнее из упомянутых сочинений — анонимный памфлет, с трудом поддающийся датировке, содержащий хулу на пророков трех авраамических религий²¹. Редакторская вставка 1863 г., добавляющая “глупую и кощунственную” книгу, симптоматична для позднего издания, в котором, согласно тексту официального одобрения, помещенному на титульном листе, Пьер-Луи Паризи, епископ Арраса, “не нашел в дополнениях ничего, что могло бы оскорбить веру или нравы”. Собаки, сопровождающие Агриппу в его рабочем кабинете (кстати, на гравюре Луи Бретона их нет) возникают в тексте биографии в той части, которая относится к смерти Агриппы, и это дает основание включать этот мотив в более широкий контекст образов, связанных со смертью, переходом, собакой как проводником и т.д. Сочинение Агриппы, посвященное оккультной философии (см. выше комментарий о характере этой философии) и в особенности, продолжение, написанное к нему поклонниками оккультных наук, описываются как “собрание магических и суеверных церемоний”.

Повествование об обстоятельствах смерти (mort) играет важную роль в части текста, ответственной в наибольшей степени за мистификацию фигуры врача. Когда миф отрывается от реального прототипа, следующим предсказуемым шагом становится представление о бессмертии. Именно к этой рубрике принадлежит мотив мнимой смерти Агриппы: “Все это не мешает убеждению... что Агриппа не мертвее Николая Фламелья и что он где-то скрывается, то ли благодаря магии, то ли благодаря эликсиру долгодетия”.

Чем занимаются врачи, согласно *Инфернальному словарю* Коллена де Планси?

Выборка статей из *Инфернального словаря* предлагает следующую картину деятельности врачей, весьма разносторонней: врачи занимаются дипломатией на высшем уровне, пишут книги о вопросах, на взгляд сегодняшнего врача, не имеющих ни малейшего отношения к медицине,

²⁰ Франсуа Пенья, теолог и канонист XVI века, которому принадлежат комментарии ко второму (римскому) изданию 1558 г. *Directorium inquisitorum* Эймериха.

²¹ *Traité des trois imposteurs*. Упоминания, относящие сочинение к средневековью, не имеют под собой основы в виде реально существовавшей книге. Эта мистификация материализовалась в XVIII в. в публикации (в числе других) текста под заголовком *De tribus impostoribus*, и ложно датированного 1598 г. (в действительности 1753 г.). Автором этого сочинения считается Иоганн Иахим Мюллер.

и в качестве ответной реакции на их суждения и действия подвергаются преследованиям с разных сторон, по разным статьям обвинения и с разными перспективами исхода конфликта.

Чем они по результатам анализа практически не занимаются, так это медициной. Из биографий врачей, рассмотренных в данной статье и в процессе выбора и подготовки материала, не складывается картина практических занятий врача как врача. В действительности, в трех статьях, выбранных в качестве образца, ни разу не встречаются слова “лечить” (*guérir*), “лекарство” (*remède*), равно как названия болезней и подобное, что можно было ожидать увидеть в биографии персоны, которая называется врачом. Эти слова также исключительно редки во всем массиве статей о врачах в *Инфернальном словаре*. Темы, которые, напротив, связываются с фигурой врача, — это власть (близость к правителям и прелатам), тайное знание (магия), власть над будущим (астрология) и сказочное богатство (алхимия).

Заключение

Что стоит за этим выбором тем, я постараюсь разобраться, сопоставив результаты эмпирического исследования с рабочей гипотезой.

Врач, которого мы видим в лице Петра Абанского, Арнальда из Виллановы и Корнелия Агриппы, — это ученый, публичная персона, чье мнение имеет вес (в том числе и в негативном смысле, когда это мнение касается вопросов веры, и при этом ошибочно) и в более широком смысле также знаменитость, окруженная поклонниками. Эти три качества делают его подходящей фигурой самоидентификации для составителя *Инфернального словаря*, если судить о его личности на основании ценностей, декларируемых им во вводных статьях книги, и сведениях о его жизни, таких как профессия библиотекаря, переводчика, публициста.

Сопоставляя эволюцию содержания редакторских вставок, интерпретирующих позицию героя статьи по отношению к Церкви, можно заметить, что в случае Арнальда из Виллановы с 1844 г. из текста исчезает эпитет “еретик”, убирается указание на то, что аргумент о назначении Арнальда врачом папы Климента V — самоочевидное свидетельство в пользу его невиновности и исходит от иезуита Дельрио; также там больше не найти высказывания, приписываемого Арнальду, что “все монахи будут прокляты”. Последняя редакция 1863 г. также дополняет сообщение о книге “Троих обманщиков”, также ошибочно приписываемой Арнальду, эпитетом “глупая и кощунственная”. Все это хорошо соотносится с сознательной переработкой образа Арнальда-антиклерикала в направлении его примирения с Церковью, которая служит отражением личного опыта покаяния и обращения. Подобную динамику можно проследить и в отношении персоны Корнелия Агриппы, которая претерпевает трансформацию от одного из “величайших людей своего века, из древней и благородной семьи, страдавшего от невежества века, в который ему довелось жить, жертвы предрассудков — в том числе хронистов, которые “не краснели писать про него небылицы”, во врача и философа, оваянного легендами, затем гуманиста и современника Эразма, которого очер-

няли завистники, но в особенности — демонологи, а кёльнский епископ оправдал (эта история включается в текст впервые в 1844 г, странное совпадение? — М. П.), к финальной краткой редакции 1863 г., радикально переработанной, из которой исключены истории о чудесах и вместо этого расставлены точки над обвинениями заслуженными и ложными. Эти два примера поддерживают пункт (5) рабочей гипотезы.

Проверка или опровержение пунктов (4) и (3) столкнулась с недостатком информации, доступной в рамках только текста статей *Инfernального словаря*. Эта задача требует ознакомления с литературой источников цитируемых высказываний.

Пункт (2) рабочей гипотезы подтверждается результатами эмпирического исследования и ведет к постановке дальнейших вопросов исследования данного материала в смежной области истории литературы.

Пункт (1) рабочей гипотезы также подтверждается эмпирическим материалом и позволяет дифференцировать постановку вопроса для дальнейших исследований в дисциплинарном отношении (источниковедение, история Церкви, история медицины, теория культуры) и в связи с отдельными историко-культурными периодами (в частности, особенности религиозного сознания раннего Нового времени в сопоставлении с первой четвертью XIX в.).

Литература/References

1. Dictionnaire Infernal, ou Recherches et Anecdotes ...; par J. A. S. Collin de Plancy. Paris, P. Mongie aîné, Libraire, Boulevard Poissonnière, N°. 18. 1818.
2. Dictionnaire Infernal, ou Bibliothèque Universelle, sur les Êtres, les Personnages ...; par M. Collin de Plancy. Deuxième édition, entièrement refondue, ornée de figures. Paris, à la librairie universelle de P. Mongie aîné, Boulevard des Italiens, N°. 10. 1825.
3. Dictionnaire Infernal, ou Répertoire Universel, des êtres, des personnages, ...; par J. Collin de Plancy. Troisième édition, entièrement refondue, augmentée de 250 articles nouveaux, approuvée par Monseigneur l'Archevêque de Paris. À Paris, chez Paul Mellier, éditeur, 11, Place Saint André-des-Arts; et à Lyon, chez Guyot, libraire, 39, Grande Rue Mercière. 1844.
4. Dictionnaire Infernal, ou Répertoire Universel des êtres, des personnages, ...; par J. Collin de Plancy. Cinquième édition, entièrement refondue, augmentée de 250 articles nouveaux, et revue par l'auteur. Approuvée par Monseigneur l'Archevêque de Paris. Bruxelles. Publié par la Société nationale pour la propagation des bons livres, Gérant, Ch.-J. de Mat, Rue de la Batterie, 24. 1845.
5. Dictionnaire Infernal, ou Répertoire Universel des êtres, des personnages, ...; par J. Collin de Plancy. Nouvelle édition entièrement refondue. Plancy, Société de Saint-Victor pour la propagation des bons livres; Arras, Rue Ernestale, n° 289; Paris, Sagnier et Bray, libraires, Rue des Saints-Pères, n° 64; Amiens, Rue de Noyon, n° 47. 1853.
6. Dictionnaire Infernal, ou Répertoire Universel des êtres, des personnages, ...; par J. Collin de Plancy. Sixième édition, augmentée de 800 articles nouveaux, et illustrée de 550 gravures, parmi lesquelles les portraits de 72 démons, dessinés par M. L. Breton, d'après les documents formels. Paris, Henri Plon, imprimeur-éditeur, Rue Garancière, 8. 1863.